

Лин Юньфэн почувствовал, как у него вспыхнули уши, но всё же протянул руку и взял лист, задумчиво вертя его в пальцах. Солнечный свет, пробиваясь сквозь листву абрикосового дерева, ложился на его руку мягким золотистым сиянием, отчего даже тонкие мозоли на костяшках пальцев казались не такими грубыми.

Иногда, когда ночь сгущалась, она ложилась рядом, чтобы послушать, как шевелится ребенок. Полог кровати был сшит из грубой ткани, выцветшей от частых стирок, но он был куда лучше, чем душные шелковые балдахины в генеральском поместье. Вань Яо клала голову ему на живот, и её волосы щекотали кожу:

— Толкается, толкается! — она вдруг прижала ладонь к тому месту, и её глаза засияли, словно в них упали звезды. — Эта девчонка точно пошла в меня, такая же егоза.

Лин Юньфэн улыбался, закусив губу, и гладил её волосы, рассыпанные по подушке. За окном стрекотали насекомые, их звуки сливались с её теплым дыханием. Жизнь текла спокойно и нежно, подобно чашке теплой рисовой каши, в которой чувствовалась долгая, тягучая сладость.

Прошел еще месяц. Однажды, когда Вань Яо закончила учить его распознавать повилику, Лин Юньфэн внезапно замер. Он опустил взгляд на свой живот, и его пальцы слегка задрожали — то, что он почувствовал только что, было по-настоящему!

Словно маленькая рыбка пустила пузырек в воде, легкий толчок отозвался прямо под его ладонью, наполненный живой, трепетной силой.

— Что случилось? — Вань Яо придвинулась ближе. Увидев блеск в его глазах, она всё поняла, и голос её стал мягче: — Почувствовал?

Лин Юньфэн молчал, лишь прижал ладонь к животу, поглаживая ткань рубахи. Спустя мгновение толчок повторился, еще отчетливее, словно камешек упал в озеро, пустив по воде круги ряби.

У него внезапно защемило в глазах. Он посмотрел на Вань Яо, но тут же отвел взгляд, уставившись на куст диких хризантем в углу двора. Сглотнув подступивший к горлу ком, он хрипло произнес:

— Она пошевелилась.

Это был первый раз, когда он по-настоящему осознал: в его чреве скрывается не просто смутный образ, а живое, брыкающееся маленькое существо, его ребенок.

Вань Яо накрыла его руку своей, прижимаясь ладонью к ладони, чтобы вместе ощутить этот слабый, но такой уверенный трепет. Солнечный свет просачивался сквозь её пальцы, оставляя на его руке мелкие светлые пятнышки, похожие на россыпь звезд.

— Я же говорила, она очень крепкая, — она подняла голову и улыбнулась, и в её левой щеке ямочка наполнилась светом. — Вырастет такой же надежной, как ты.

Глядя на сияние в её глазах, Лин Юньфэн вдруг почувствовал, что все нелепые мысли о мужской беременности и страхи перед будущим развеялись, стоило ребенку шевельнуться. Он крепко сжал руку Вань Яо, чувствуя, как его пальцы, еще холодные от волнения, постепенно теплеют.

Ветер с галереи принес лепестки абрикосового цвета, они опустились на его хлопковый халат, оставив бледные розовые следы. Лин Юньфэн посмотрел на эти лепестки, коснулся живота, и уголки его губ наконец дрогнули в слабой улыбке. Оказывается, быть отцом — это вот так. словно в сердце поселился теплый огонек, и даже небо над деревней Абрикосов вдруг показалось синее, чем где-либо еще.

Хоть Лин Юньфэн и был в положении, он всё время порывался что-то сделать для ребенка, но Линь Шидун, словно насадка, постоянно его останавливал, твердя, что беременным нельзя перетруждаться. Не имея возможности заниматься чем-то серьезным, Лин Юньфэн решил сшить пару детских вещичек. Не то чтобы он был плохим мастером, просто его отцовская любовь требовала выхода, и он находил отдушину в этих мелочах.

Увидев это, Вань Яо расхохоталась и, потянув его за руку, капризно заявила:

— Я тоже хочу, сшей и мне что-нибудь!

Лин Юньфэн покраснел и промолчал, хотя уши у него полыхнули огнем. В конце концов, он сшил ей одежду, но это было нижнее белье. Неизвестно, то ли он не обладал мастерством для сложного верхнего платья, то ли в его сердце таилось какое-то сокровенное желание — ведь нижнее белье не каждому подаришь, это знак особой близости, доступный лишь самым близким людям.

Они прибыли сюда в первый лунный месяц, когда дули ледяные ветры. Теперь, в четвертом месяце, погода стала теплеть, но у Лин Юньфэна начались роды.

Когда цикады начали умолкать, живот Лин Юньфэна стал похож на большой круглый арбуз. В тот вечер, когда он полулежал на кушетке, напевая ребенку какой-то бессвязный военный марш, внезапно острая, пронзительная боль разорвала низ живота, и холодный пот мгновенно пропитал его халат.

До срока оставалось еще два месяца. Преждевременные роды повергли и Лин Юньфэна, и Линь Шидуна в панику. Лин Юньфэн в последнее время много читал о родах и помнил поговорку о том, что семимесячные выживают, а восьмимесячные — нет, отчего его ладони стали ледяными. Линь Шидун тоже был в ужасе: хоть он и учился у повитухи, все советы касались женщин, а о мужских родах он даже не слышал.

— Генерал! Генерал, что с вами? — Линь Шидун вошел с отваром для сохранения

беременности, но, увидев, как Лин Юньфэн свернулся калачиком на кушетке, выронил миску, которая с грохотом разбилась о пол, и бросился вон. — Я бегу за госпожой бессмертной!

Когда Вань Яо примчалась, лунный свет уже заливал каменные плиты двора. Она распахнула дверь и увидела, как Лин Юньфэн, стиснув зубы, вцепился в одеяло так, что его костяшки побелели.

— Не бойся, я здесь. — Она быстро подошла и накрыла его руку своей, концентрируя в пальцах мягкий свет духовной энергии, который медленно вливался в его запястье.

Эта энергия, подобно теплomu ручью, успокаивала мучительные спазмы. Лин Юньфэн, тяжело дыша, открыл глаза. Увидев, как пряди волос у висков Вань Яо намокли от пота, он судорожно вцепился в её рукав, и его голос дрогнул:

— Яо Яо...

— Я здесь. — Вань Яо наклонилась, вытирая пот с его лица, и свет в её ладонях стал ярче. — Дыши вместе со мной, скоро всё закончится.

Благодаря поддержке духовной силы роды, которые должны были стать мучительными, прошли на удивление гладко. Не прошло и часа, как звонкий крик ребенка прорезал ночную тишину — родилась маленькая девочка, красненькая и сморщенная, как только что выбравшийся из скорлупы мышонок.

Линь Шидун хотел подойти с чистыми пеленками, но Лин Юньфэн хрипло сказал:

— Я сам. — Он приподнялся, преодолевая слабость, и осторожно протянул руки. Когда его пальцы коснулись теплой кожи ребенка, он невольно задрожал.

Вань Яо, улыбаясь, положила ребенка ему на руки:

— Аккуратнее, она еще совсем крошечная.

Лин Юньфэн застыл, бережно прижимая дитя к груди. Малышка закрыла глаза, её кулачки были крепко сжаты, а крик звучал так громко, что у него закладывало уши. Глядя на это сморщенное личико, он вдруг почувствовал, как к горлу подкатил ком, и слезы, не подчиняясь воле, покатились по щекам, оставляя мокрые следы на пеленках.

— Чего плачешь? — Вань Яо похлопала его по спине, посмеиваясь. — Неужели думаешь, что она некрасивая?

— Нет... — Лин Юньфэн, всхлипывая, покачал головой, но слезы лились еще сильнее, словно он был обиженным ребенком. Он не сводил глаз с лица ребенка: глазки слишком маленькие, нос приплюснут — совсем не похожа ни на него, ни на Вань Яо. Боялся, как бы не пришлось ей потом трудно с поиском мужа, надо будет подыскать ей достойного зятя, пусть даже из

простых парней Черной конницы, лишь бы защитить её.

Линь Шидун, наблюдая за этим со стороны, только цокал языком, и ножницы в его руках с лязгом упали на стол:

— Генерал, вы что... от радости ума лишились? Все новорожденные такие, через пару дней они расцветут. С вашей внешностью и внешностью госпожи бессмертной маленькая барышня будет красивее любого нарисованного небожителя!

Он еще долго что-то бормотал, рассказывая, как соседский ребенок сначала был похож на обезьянку, а вырос писаным красавцем, и цитировал медицинские книги о том, что девушки с возрастом только хорошеют. Лин Юньфэн постепенно успокоился, но руки всё еще не решался разжать, боясь повредить этот мягкий комочек.

Вань Яо смотрела на него, счастливо улыбающегося с красными глазами, и чувствовала, как на душе становится тепло. Она наклонилась к нему и прошептала:

— Дай ей имя.

Лин Юньфэн замер, глядя на малышку, которая постепенно перестала плакать и теперь причмокивала губами, её личико стало розовым. Подумав немного, он ответил голосом, еще не успевшим обрести прежнюю твердость:

— Назовем её Кэсинь. Линь Кэсинь.

Кэсинь — чтобы всё было по сердцу, чтобы жизнь была в радость. Какой бы она ни выросла, она навсегда останется его самым драгоценным сокровищем.

Линь Шидун хлопнул себя по бедру:

— Отличное имя! Звучит так душевно!

Лунный свет просочился сквозь оконную решетку, укрывая молодую семью, словно нежной вуалью. Лин Юньфэн поцеловал дочь в лоб и вдруг осознал, что все его страхи и нелепости прошлого нашли свой приют в этом мгновении.

<http://bllate.org/book/18849/1837698>